

(13).01.04
(январь)

Евгений КЛЮЕВ

Думайте о нас!

Лирическая комедия
в трех действиях с эпилогом

Окончание. Начало см. "ЭС" № 37-38, 2003 г., №№ 1, 2, 2004 г.

МАРИЯ. Вот-вот!

С.Е.В. Как хорошо разговаривать с вами, Мария! И как странно, что вы тоже, как они (*кивает в сторону*), живете за лесом! Мы здесь у себя часто думаем: вот вы ищите контактов с инопланетянами, рассматриваете фотографии летающих тарелок, а того, что под боком у вас – правда, немощно в другом измерении – есть другая жизнь, не знаете и знать не хотите. (*Сконфуженно улыбается*). Это смешно...

МАРИЯ. Я подумала сейчас, кому из моих знакомых могла бы я рассказать о вас и кого хотела бы пригласить сюда... (*Задумчиво*). Получилось, что никого... Удивительно. Только детей.

С.Е.В. Дети часто приходят сюда играть с нами. Мы любим ваших детей. Они не задают *ненужных* вопросов. Они просто приходят – и играют. Мне кажется, это потому, что у них внутри много воздуха: есть место для нас. У взрослых внутри все занято – и воздуха нет. И у вас, Мария, много воздуха внутри. Вам надо жить с нами (*обнимает девушку*).

МАРИЯ. Я давно уже все решила. Я остаюсь.

ШУТ (*выходя из тени*). Напрасно, Мария.

С.Е.В. Шут? Как вы смели подслушивать?

ШУТ. Я не хотел. Так вышло.

МАРИЯ (*Сыну Его Величества*). Прости-те его!

С.Е.В. Конечно, Мария! Когда у нас кто-то отвечает "так вышло" – это снимает любую вину. Все, что происходит случайно, свято. Но... (*Шуту*). Вы ведь что-то сказали?

ШУТ. Я сказал: "Напрасно, Мария". Это значит – "напрасно, Мария. Вам нельзя оставаться здесь".

МАРИЯ. Но все уже решено. Мы любим друг друга.

ШУТ. Небо полюбило землю. Огонь полюбил воду. Жизнь полюбила смерть.

МАРИЯ. Жизнь полюбила смерть? Это очень страшно.

ШУТ. Вы погибнете здесь, Мария. Вы сойдете с ума от того, что потеряете чувство реальности... ощущение почвы под ногами.

МАРИЯ (*с отчаянием*). Но почему, почему?

ШУТ. Ах, девочка... Здесь из причины не вытекает следствие, за вопросом не следует ответа, действие не дает результата. Феи то и дело ошибаются, обитатели замка – меняют облик. Здесь господствует случай – и потому все подвижно, летуче, переменчиво... Или, как вы изволили заметить, есть – и в то же время нет.

МАРИЯ (*чуть не плача*). Но мне же нравиться ваша жизнь!

ШУТ. Та жизнь, которой мы живем сегодня, – да. А та, которая случится завтра? Но не только потому, девочка... Вы только вдумайтесь: есть – и в то же время нет. Вы есть – и в то же время вас нет!

МАРИЯ. Это прекрасно!

ШУТ. Дворец есть – и в то же время его нет!

МАРИЯ. Это прекрасно!

ШУТ. Сын Его Величества есть – и в то же время его нет!

Мария молчит.

ШУТ. Любовь Сына Его Величества к вам есть – и в то же время...

МАРИЯ (*перебивая*). Остановитесь! Я не вынесу этого!

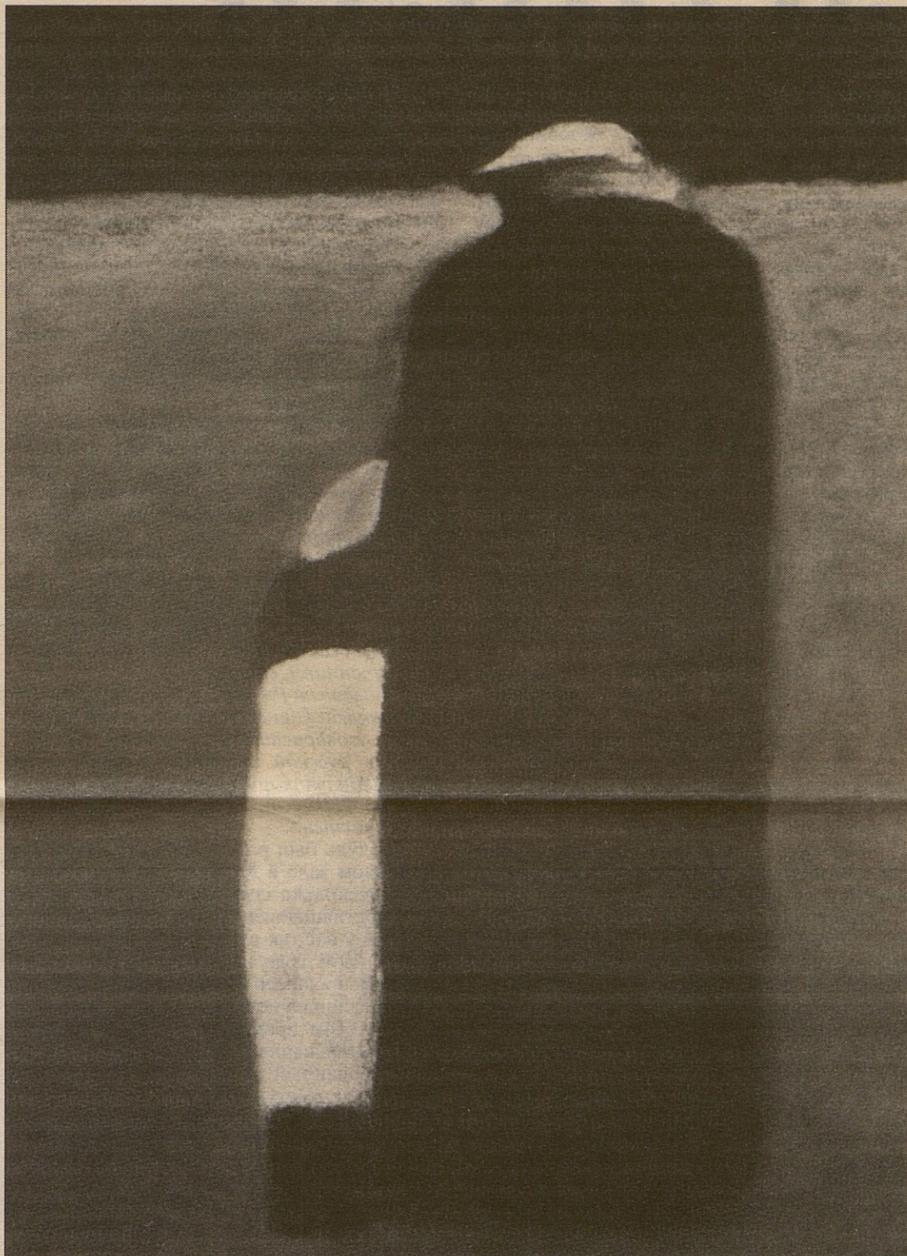
С.Е.В. Тогда я уйду с Марией и буду жить с ней за лесом.

ШУТ. Вас мало кто увидит там. А может настать день – как знать! – когда и Мария разучится вас видеть: люди убедят ее в том, что вас нет!

Глубокая пауза.

ШУТ. Всякая любовь, дети – это как воронка на воде. Пока вы на верхнем ее витке, вы можете еще напрячь силы – и выбраться. Но чем дальше, тем труднее. Расстаньтесь сейчас, пока разлука для вас не смертельна. День другой – и будет поздно. В любви есть миг равновесия, когда возможно и вперед, и назад.

МАРИЯ. Но я не хочу, не хочу! (*Сын Его Величества обнимает ее*).

С.Е.В. (*печально*). В их жизни за лесом все слишком реально и объяснимо, а в нашей – слишком нереально и путано... Но так не должно быть! Шут!..

ШУТ. Именно так и есть. Ничего не бывает столько, сколько нужно: всего – или больше, или меньше, чем требуется. Мария не сможет жить здесь. Вы не сможете жить там. Вам двоим негде быть вместе.

МАРИЯ (*сквозь слезы*). Очень просто и совершенно жутко: нам двоим нет места... Что же это – на всей земле нет места?

ШУТ. Боюсь, что так...

Балконная дверь распахивается, на балкон с разбегу вылетают разгоряченные танцоры. Гремит музыка.

Картина 2-я

Тронный зал. Музыканты складывают инструменты. Пары разбредаются по углам. Иван Петрович в окружении фей.

Е.В. (*Радости Его Величества*). Ну что ж, пора?

Р.Е.В. Зачем ты спрашиваешь? Делай, как знаешь.

Е.В. Друзья! Скоро ночь. Нам пора расставаться с нашими милыми гостями. Мы не можем больше задерживать их... Но я не в силах скрыть большого огорчения оттого, что нам приходится расставаться. Редко к кому мы так быстро и крепко при-

вязывались.

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Да что ж вы так грустно-то, Ваше Величество! Не навек же расстанемся. Мы еще придем!

Е.В. Это зависит не только от вас.

ИВАН ПЕТРОВИЧ (*сконфуженно*). Простите, Ваше Величество. Я конечно, имел в виду, если вы позволите.

Е.В. Да не в этом дело, Иван Петрович!

ИВАН ПЕТРОВИЧ. А в чем же, Ваше Величество?

Е.В. Это дело случая. А случаи не планируются... и не развиваются, господин начальник отдела развития!

ИВАН ПЕТРОВИЧ (*уверенно и радостно*). Все развивается! Уж поверьте мне.

Е.В. (*грустно*). И рад бы... (*разводит руками*). Я буду счастлив, если вам это удастся... Но я хотел бы... Мы все хотели бы подарить нашим гостям что-нибудь на память. Иван Петрович, вам – накидку из меха, чтобы вы не мерзли по дороге домой. Фея Вознаграждения, где же вы?

Сверху спускается очень бедно одетая Фея Вознаграждения. Сильно кашляет.

ФЕЯ ВОЗНАГРАЖДЕНИЯ. Я принимала таблетки, извините, Ваше Величество.

Е.В. Накидку из меха для Ивана Петровича!

ФЕЯ ВОЗНАГРАЖДЕНИЯ. Сию секунду! (*Взмах рукой – возникает голубое ниже белье*).

Е.В. Черт знает что такое! Хоть бы в такие торжественные моменты...

МАРИЯ (*смеясь*). Не волнуйтесь, Ваше Величество! (*Осторожно прикасается к белю, которое тут же превращается в роскошную меховую накидку*). Вот и все.

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Ничего себе! Благодарю, благодарю!.. (*Рассматривает подарок*). А она... это... не исчезнет – там?

Е.В. Вы хотите спросить, не украдут ли ее?

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Нет-нет, не то! Я просто думаю: там, в нашей жизни, не может ли получиться так...

МАРИЯ (*перебивая*). Иван Петрович, да что вы, ей-богу! Не надо так о накидке... беспокоиться!

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Да не о том я беспокоюсь! Я что хочу сказать: вот иду я, а она вдруг возьми и растворись. Неприятность ведь получиться может... и неудобство опять-таки.

Е.В. (*грустно глядя на Ивана Петровича и очень медленно*). Тогда мы вам – почтой – другую вышлем... (*Смотрит на Марию*). А вам, Мария... Если вы вдруг стали феей, то, может, подарите себе все, что захотите сами?

МАРИЯ. Я не стала феей. Я, кажется, просто поняла одну очень важную вещь. Ее все понять должны – все, кто живет за лесом, – иначе жить очень... очень безрадостно. Знаете, какая это вещь? (*Обводит всех глазами, очень серьезно*). Все на свете можно как-то объяснить, да не все нужно...

Е.В. (*улыбаясь*). Ах, ну да...

Пауза. Шут тихо аплодирует.

МАРИЯ. А я действительно могу подарить себе все, что захочу?

Е.В. Решительным образом все.

МАРИЯ. Тогда я попрошу всех вас сесть в кружок. (*Колеется в своей сумочке*). У меня с собой фотоаппарат маленький. Мыльница. И я сфотографирую вас!

Е.В. (*в замешательстве*). А можно ли это?

МАРИЯ (*бесстрашно и весело*). Все можно, Ваше Величество!

Е.В. (*улыбаясь*). Ах, ну да...

Все садятся в кружок.

ИВАН ПЕТРОВИЧ (*оказавшийся в центре*). Я вот боюсь только, что там это не проявится.

ШУТ. Иван Петрович, дорогой, вам-то чего волноваться? Вы ведь в любом случае – проявитесь. (*Улыбаясь, смотрит на Марию*). Снимайте, Мария, смелей!

МАРИЯ (*фотографирует*). Вот так. И, пожалуйста, еще разочек: чтобы уж наверняка. (*Щелкает еще раз*). Спасибо вам... всем! (*Прячет камеру*).

ИВАН ПЕТРОВИЧ (*подходя к Марии*). И я присоединяюсь. Спасибо вам, хорошие вы люди, черти! (*Смахивает слезу*).

МАРИЯ. Прощайте все, все, все! (*Смотрит на Сына Его Величества*). Прощайте, Александр!

С.Е.В. Прощайте, Мария!

Иван Петрович идет к выходу. Мария остается на месте.

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Мария, где же вы? (*Обернувшись, удивленно смотрит на Марию*).

МАРИЯ (*глядя на Сына Его Величества*). Я не могу сдвинуться с места.

Е.В. (*сыну*). Пойди – проводи барышню.

С.Е.В. Я не могу сдвинуться с места.

Р.Е.В. В чем дело, мальчик мой?

Пауза.

ШУТ. Это любовь.

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Понятно, что любовью! Но ведь не до такой же степени! Мария, пора!

МАРИЯ (*Сыну Его Величества*). Какие тяжелые ноги... Правда?

С.Е.В. Да, Мария. У меня не гнутся колени. Странно, я совсем не чувствую больше ног, словно их нет.

МАРИЯ (*радостно*). И я! Я не чувствую уже почти ничего – вот только там, слева – где сердце... Это неважно, я люблю вас, Александр!

С.Е.В. А у меня и сердце перестало биться. Я люблю вас, Мария! (*с трудом улыбаясь*). И я не могу разомкнуть рук...

МАРИЯ. Вот и прекрасно: никогда не размыкайте рук. Я уже не могу поднять голову, не могу опустить...

С.Е.В. Не опускайте гол...

Долгая пауза.

Экран и сцена –

Клюев Евгений

364-365

Р.Е.В. (одновременно с Иваном Петровичем). Мальчик мой!
ИВАН ПЕТРОВИЧ. Мария!

Молчание.

Р.Е.В. (бросаясь к сыну). Мальчик мой, сынок! (Пытается обнять его, но, отпрянув, вскрикивает). Что это? Он холодный! Он холодный, как камень! Что это?

ШУТ. Они окаменели. Так бывает, если большое горе. Вы ведь знаете.

Р.Е.В. Я – знаю? Хотя... (Улыбается). Кажется, я знаю. Вы опять правы, Шут: вот... вот... ноги... Как хорошо, я тоже! (Застывает).

Е.В. Радость моя! (Кидается к жене). Тебе плохо, Радость Моя? Феи, феи, все сюда, немедленно!

По лестнице бегут феи.

Е.В. (прижимаясь к Р.Е.В.) Она... (с ужасом) она тоже холодная! Нет, нет! Хотя... (улыбается) почему же нет? Вот и я... И у меня... Ну, слава Богу! (Застывает с улыбкой, обнимая Радость Его Величества).

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Погодите!.. Э-э-э... Что все это... Такого не может быть!

ШУТ. Все может быть, Иван Петрович (улыбается). Прощайте, дорогой, мне трудно все это вам объяснить, но... (застывает).

ИВАН ПЕТРОВИЧ (с ужасом). Это что же... и я... я тоже окаменею? Мне нельзя! Мне никак нельзя! (Принимается растирать ноги).

ФЕЯ ИСКУССТВА. Вы не окаменеете, Иван Петрович. Успокойтесь, вы никогда не окаменеете. И ни от чего: материал не тот.

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Точно – не окаменею? Тогда... я тогда... я задержался здесь... Спасибо за все, до встречи, всего вам... (выбегает).

ФЕЯ ВОЗМЕЗДИЯ (после паузы). Они стали памятниками... Просто Шарль Перро какой-то получается... Спящая красавица какая-то... Если через сто лет их кто-нибудь поцелует... (Трет виски). Что я несусь! Господи, что я несусь! Что-нибудь можно сделать, Фея Счастья?

ФЕЯ СЧАСТЬЯ. Не знаю. Во всяком случае, я-то уж точно бессильна. (Улыбается). Совершенно бессильна!

ФЕЯ ВОЗМЕЗДИЯ. Тогда – чему вы улыбаетесь? И почему вы бессильны?

ФЕЯ СЧАСТЬЯ. Видите ли... Дело в том, что все они – извините за выражение – счастливы!

ФЕЯ ВЧЕРАШНЕГО ДНЯ. Я могла бы попытаться. Попытаться оживить их, но... но, мне кажется, это бесполезно.

ФЕЯ ВОЗМЕЗДИЯ. Бесполезно – пытаться? Или бесполезно... Что бесполезно, Фея Вчерашнего Дня?

ФЕЯ ВЧЕРАШНЕГО ДНЯ (грустно). Оживлять бесполезно. Как только эта юная пара узнает, что настало время расстаться навсегда, они опять окаменеют. И другие тоже. Они все время будут... как бы это сказать?... окаменевать.

ФЕЯ ВОЗМЕЗДИЯ. Но ведь так или иначе им придется расстаться навсегда. Мария не может жить здесь, а Сын Его Величества не может жить там: они из разных миров, им никогда не понять друг друга до конца.

ФЕЯ ИСКУССТВА. Никаким двум людям за всю историю человечества не удавалось понять друг друга до конца, да и вообще понять что-нибудь до конца – невозможно!

ФЕЯ ВОЗМЕЗДИЯ. Но, черт побери нас совсем, мы-то, мы-то ведь существуем для чего-то! Мы обязаны как-то вмешаться... помочь... Это ведь наш долг! Пусть они поймут друг друга до конца – одни во всей истории человечества!

ФЕЯ ИСКУССТВА (задумчиво). А они и так достаточно хорошо поняли друг друга! Они друг друга любят – чего же еще? Большего ни от кого нельзя требовать... (Внезапно обрадовавшись). Мне кажется, я знаю, что надо делать! Мне кажется, детям надо уйти из дворца!

ФЕЯ ВОЗМЕЗДИЯ. Но куда? Им куда идти. Они нигде не смогут быть вместе!

ФЕЯ ИСКУССТВА. Видите ли, влюбленные обычно не думают об этом: они все равно не могут жить там, где другие. Да им и не нужен никто. Они счастливы вдвоем.

ФЕЯ ВОЗМЕЗДИЯ. Бред какой-то! Должны ведь они где-то жить!

ФЕЯ ИСКУССТВА. И об этом влюбленные не думают тоже. Знаете, всегда – во всей музыке, во всей живописи и во всей литературе – влюбленные были изгоями. И может быть, это правильно? (Немножко

Жран и смена.

торжественно). Я, Фея Искусства, готова взять на себя всю ответственность. Попробуйте, Фея Вчерашнего Дня!

Фея Вчерашнего Дня целует окаменевших. Они медленно и удивленно оживают.

Е.В. (растерянно). Что это было? Я, кажется, слишком глубоко задумался...

ШУТ. Это была смерть, Ваше Величество. Просто смерть – и ничего больше.

МАРИЯ (Сыну Его Величества). Как это было прекрасно, как замечательно это было!

С.Е.В. (обнимая ее). Да, мое счастье!

Р.Е.В. А мне снилось, что все будет хорошо...

ФЕЯ ИСКУССТВА. А теперь, дети, вам нужно уйти. Я не знаю, куда... Я не знаю, что вам взять с собой. Но я знаю, что вам нужно идти вперед, все время только вперед и вперед – и все время вдвоем. И может быть, вы найдете страну, где... (Плачет).

С.Е.В. Не плачь! Мы готовы.

МАРИЯ (эхом). Мы готовы.

Занавес.

ЭПИЛОГ

Его Величество, Радость Его Величества и Шут на балконе. Сын Его Величества и Мария внизу, на дорожке, ведущей в лес из дворца.

С.Е.В. Отец, мама! Прощайте!

МАРИЯ. Прощайте! Прощайте!

Р.Е.В. Прощайте!.. (Сквозь слезы). Вы, пожалуйста... поаккуратнее... Там... в картонке такой... цвета саго... теплые вещи, носки, шарфы...

За лесом скоро зима, одевайтесь теплее!.. (Плачет).

Е.В. Не плачь, Моя Радость! (Сам еле сдерживает слезы). Мария, берегите мальчика!.. (Осекается). То есть я хотел сказать... Марию береги, сынок, слышишь?

Р.Е.В. И обязательно напишите нам, когда придете... куда-нибудь (рыдает). Господи, да куда ж они придут, им ведь некуда!

С.Е.В. (Марии). Жалко их... Э-эх! (Встряхивает головой). Мы пойдем вперед – вперед и только вперед, дальше и дальше, вдвоем и вдвоем...

МАРИЯ (эхом). Вдвоем и вдвоем...

Оборачиваются, машут на прощанье.

С.Е.В. и МАРИЯ (вместе). Проща-а-айте!

Р.Е.В. (Его Величеству). Ой, а яблочки-то я им положить забыла! Помыла и – положить забыла! Что ж теперь делать-то, а?

Е.В. (стиснув зубы). Вот только не надо этого... про яблочки. Про яблочки не надо только... Шут!

ШУТ. Да, Ваше Величество.

Е.В. Скажите что-нибудь!

ШУТ. Вы... вы держитесь как-нибудь, ребята...

Е.В. Нашли, что сказать! Нет! Другое что-нибудь!

ШУТ. Другое? Другое... Там, в карете вместе с ними поедет еще кое-кто...

Р.Е.В. (испуганно). Кто?

ШУТ. Я попросил оберегать их.

Гром, молния, страшный ливень.

Е.В. Вот! Этого только не хватало на дорогу!

ШУТ. Не тревожьтесь, Ваше Величество. Над ними – солнце. Я отправил с ними Фею Погоды. И Фею Счастья тоже попросил сопровождать их. Хорошая погода и счастье – что еще нужно влюбленным? Правда, теперь у нас...

Начинается метель, ветер задувает снег на балкон.

ШУТ. Правда, теперь у нас будет все время плохая погода... И не будет совсем никакого счастья...

Р.Е.В. А зачем нам? (Шуту, горячо). Спасибо, милый, спасибо! (Вглядываясь в деревья, кричит сквозь снег). Вы только не забывайте нас! Думайте о нас! (В зал). Думайте о на-а-ас...

Занавес.

● Петр Дик. "Встреча". Из цикла "Двое"

СТИХИ-Я

Евгений КЛЮЕВ

И. СТРАВИНСКИЙ.
ПЕТРУШКА

1
Февраль весь белый, весь в известке – и даром, что молодцеват!
Сейчас я выйду на подмостки и стану плохо танцевать, и все увидят, как увяли мои пустые рукава, и денежку дадут едва ли: я деревянный, я дрова.

Но будет музыка, как мука, меня к движенью понукать и помыкать мной: дескать, ну-ка – и будет ниже поникать колпак, чьи бубенцы озябли, пока пылал ваш карнавал... Потом прибудет меня хозяин за то, что плохо танцевал –

до крови... чтоб, трясая на нити, я мог сказать свои слова: я деревянный, извините, я деревянный, я дрова.

2
А она балерина, а я... на нее обращают внимание: она кружится, снег поднимая – будто вовсе и нету ея!
У нее голубые глаза, а на туфельках множество пряжек – золотистых: она ими пляшет, а глазами – глядит... и нельзя потому не любить ее глаз, и нельзя не любить ее пряжек – тех, которыми так она пляшет, исчезаючи в танце от нас!

Она пляшет и снег берedit – и не видит меня на отшибе: почему мы такие чужие и она на арапа глядит?
Он ведь ей не родня, не ровня – он из дальней страны океанной... Я не буду такой деревянный: Госпожа, погляди на меня!

3
Это балаган, балаган, балаган – балаганный дед веселит, веселит, барабанчик бьет в барабан, барабан – барабан гудит, басовит, басовит.

А шарманка тоненько эдак поет, и шарманчик крутит за ручку мотив, и шарманчик розовый билетик дает – тот-то будешь счастлив, ему заплатив!

Кто бы мне билетик такой подарил – я ему за это спляшу и спою!
В ящике чудесном полно балерин – может, я найду среди них и свою.

Ан – проходят мимо, и то... балаган: что им до петрушкиных малых забот! – Там с лотка торгуют, там страшный цыган медведя ручного на цепке ведет...

4
Вот они наконец наигрались мной – я им тут вроде, как бы сказать, тамбурина.
Но закончился день этот, злой и смешной, и ко мне приходила моя балерина!

Шла дорогой своею, по лестнице шла и – зашла на минуту, зашла – и пропала: перепутала дверь... так планета мала! И растаяла облачком тонкого пара.

Я сегодня, наверно, уже не умру – я сегодня богат: пусть чуть-чуть, пусть нечестно!
Пронеслась себе тучкой на летнем ветру, и растаяла вся, и, растаяв, – исчезла.

Жизнь прекрасна: она потому и пройдет – о, как много мне счастья она подарила: карусели кружились, резвился народ, и ко мне приходила моя балерина!

5

Да что ж арап... он прислан на потеху, и в его жилах черная вода, он зол и глуп, он молится ореху – ты с ним, мой ангел, не танцуй тогда!

Смотри, как я умею прыгать: оп-ля... А он – тяжелый, что твоя руда, и страшный: у него большая сабля – ты с ним, мой ангел, не танцуй тогда!

Ему не внятн твой чудесный щебет, но он тебя похитит из гнезда: он никого на всей земле не любит – ты с ним, мой ангел, не танцуй тогда!

Он саблею меня загонит в угол и не оставит от меня следа... Ты и тогда с ним не танцуй, мой ангел, – танцуй со мною... даже и тогда!

6

Если фокусник прикажет мне: пляши! – я спляшу ему: как фокусник прикажет. Если фокусник прикажет: не пляши! – так не буду.

Если фокусник прикажет: хохочи! – я ему захохочу: как он прикажет. Если он прикажет мне: не хохочи! – так не буду.

Если фокусник прикажет мне: умри! – я умру ему: как фокусник прикажет. Если фокусник прикажет: не умри! – так не буду.

Если фокусник прикажет мне: люби! – полюблю я балерину, балерину. Если фокусник прикажет: не люби! – полюблю я балерину, балерину.

7

Славное гуляние: кони летят... карусели крутятся – кони и львы! На коне оранжевом скачет дитя, а на льве лазоревом – я или вы.

Славное гуляние: искры летят! Каблучки цыганочек – точно кремь. Тут у жизни праздничной все мы в гостях: разумей, голубчики, – ах, разумей!

Славное гуляние: сполохи летят! Что ж это за музыка, столько огня... – шапито приветствует: бейтесь в сетях без меня, голубчики, – ах, без меня.

Славное гуляние: головы летят! Вон моя валается возле крыльца: тут у жизни праздничной все мы в гостях – распотешь нас, Масленица... Масленица!

Мелет кофе моя мельница, на огне журчит вода; жизнь спешит и разумеется – или нет, не разумеется... в общем, значит, как когда. У нее повадки заячьи и глаза – как у зверька, все петляет – ускользячи, прячься то за дни, то за ночи и не зная языка.

Молодая современница, путаница всех времен, пересмешница, изменница: все-то ею разумеется... лишь одно не разумеется – престарелый небосклон! А о чем ей там лепечется за сухой еды комком – знает только речь-беспечница да вокзальная буфетчица с понимающим кивком. Что минует, то имеется – дескать, все же есть просвет! Озареньице – затменьице: вроде как и... разумеется, а взглядишь: нет и нет. Никакой иной просодики, кроме той, что день-деньской отмеряют тебе ходики с развеселою тоской.